

Басурманская неволя.

IV ¹⁾.

Православная вѣра христіанская.

Въ южно-русской поэзіи слѣдующимъ образомъ описывается нравственное состояніе русскихъ полонянниковъ:

На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семьсотъ казаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго праведнаго не видятъ. И приходитъ къ нимъ дѣвушка-бранка (полонянка) Маруся, поповна Богуславна, а говоритъ имъ:—„Эй, казаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ христіанской“.

Говорятъ ей казаки, бѣдные невольники: „Почемъ намъ знать, какой теперь день въ нашей землѣ христіанской? Мы тридцать лѣтъ сидимъ въ неволѣ и Божьяго свѣта, праведнаго солнца не видимъ. Не знаемъ мы, какой теперь день въ нашей землѣ христіанской“.

Тогда дѣвушка-бранка Маруся, поповна Богуславна, говоритъ казакамъ: „Ой, казаки, бѣдные невольники! Сегодня въ нашей землѣ христіанской страстная суббота, а завтра святой праздникъ, годовой день—великъ день“. Услыхавъ это, казаки пали бѣлыми лицами на землю и прокляли дѣвушку-бранку Марусю, поповну Богуславну: „О, чтобы у тебя, дѣвушка-бранка Маруся, поповна Богу-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

славна, не было ни счастья, ни доли! Зачѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой праздникъ, годовой день—великъ день“.

Здѣсь правдиво изображается то состояніе тупого отчаянія, когда напоминаніе о чемъ-либо дорогомъ и невозвратно утраченномъ нестерпимо мучительно для наболѣвшаго сердца, но все это не болѣе, какъ поэтическое преувеличеніе. Такое отчужденіе невольниковъ отъ людей или могло быть временнымъ въ дальнихъ плаваніяхъ, на каторгахъ или прамѣнялось къ особо важнымъ плѣнникамъ, въ родѣ В. Б. Шереметева, который по цѣлымъ годамъ „не только своихъ, ни басурмановъ не видалъ“.

Не зная, „когда постъ, когда Свѣтлое Воскресенье“, было возможно гдѣ-нибудь въ Средней Азіи или Индіи, за тѣми „тремя морями“, за которыя въ XV вѣкѣ заѣхалъ Аванасій Никитинъ, но было немыслимо въ Крыму или Турціи. Полоняники въ неволѣ не только знали, когда былъ „великъ день“, но и весьма точно обозначали по православному календарю время своего побѣга: „въ великій постъ на третьей недѣлѣ“, „за три недѣли до Филиппова поста“, „передъ Дмитріевскою субботою“, „на завтра Оспожила дни“ (т. е. праздника Успенія Богородицы). Не говоря уже о Константинополѣ, во всѣхъ городахъ Турціи полоняники встрѣчались съ православными греками. И въ Крыму было много православныхъ. Въ центрѣ торговли невольниками—Кафѣ было 12 греческихъ церквей. Кіевлянинъ старецъ Макарій, жившій у турчанина въ Константинополѣ въ артели изъ 12 русскихъ полоняниковъ, не только „по средамъ и пятницамъ мяса не ѣдалъ“, но со своими товарищами „и къ церквамъ хаживалъ русскимъ“. Даже въ каторжныхъ тюрьмахъ Константинополя за бакшишъ можно было добиться значительныхъ послабленій. Въ тюрьмѣ, въ которой жилъ Вратиславъ, былъ даже огороженный рѣшеткою алтарь, освященный епископомъ, и у невольниковъ имѣлась чаша серебряная съ другими вещами, потребными для миссы, и въ дни христіанскихъ праздниковъ и передъ отправленіемъ на работу, бывшій въ тюрьмѣ капелланъ служилъ миссу, и на тотъ часъ снимались съ него желѣза.., а Вратиславъ въ своей цѣли прислуживалъ ему, послѣ обѣдни опять турецкіе кузнецы приковывали къ нему капеллана“¹⁾.

Но, конечно, немногіе полоняники могли исполнять христіанскіе обряды. Часто они бывали „обасурманены“ и „вѣру христіанскую держали втайнѣ“, не всѣ тюремщики были такъ снисходительны, какъ тюремщики Вратислава, и не вездѣ можно

¹⁾ Барсуковъ, VI, 494; Пр. 35, 205, 325; Пр. 807, 33.

было найти священника. Неудивительно поэтому, что полоняникъ больше всего боялся, чтобъ ему „въ нечестивой сторонѣ и въ поганой басурманской вѣрѣ безъ покаянія не умереть и вѣчно бы душою не погнунуть, и чтобъ по смерти костей его убогихъ собаки не таскали“.

Тоска по вѣрѣ христіанской мучила и полоняниковъ, обасурманившихся добровольно. „Господи, говоритъ отступникъ Бутурлакъ, есть у меня, что пить, есть въ чемъ ходить, только не съ кѣмъ поговорить о вѣрѣ христіанской“. Невыносимо больно было сердцамъ православныхъ родителей полоняниковъ видѣть своихъ прижитыхъ въ Крыму дѣтей настоящими татарчатами, обреченными „на вѣчную погибель безъ крещенія“. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь замѣнить крещеніе своимъ татарчатамъ, родители называли ихъ и безъ крещенія христіанскими именами. Каширянина Андрея Писарева его господинъ-татаринъ „жениль неволею“ на своей наложницѣ—русской полонянкѣ и въ приданое далъ прижитаго имъ съ этой полонянкой мальчика. Приживъ сына и дочь, Писаревы не только этихъ дѣтей называли безъ крещенія милыми сердцу, родными именами Ивашки и Анютки, но и татаренка, названнаго въ честь отца Байтуванкой, придумали звать по-русски Анискомъ („Онисимомъ“) ¹⁾. Особенно вѣрующія русскія женщины заботились о томъ, чтобы не заглохло сѣмя христіанства въ душахъ ихъ малолѣтнихъ, крещенныхъ еще на Руси дѣтей, и чтобы ихъ некрещенныя дѣти получили святое крещеніе. Въ 1667 году вышли изъ Крыма три полоняника тамбовца; они не помнили, какъ были „взяты въ полонъ“, но рѣшили бѣжать „слыша отъ матерей своихъ, что они православной христіанской вѣры“. Въ этомъ случаѣ матери предпочли вѣчную разлуку съ сыновьями ихъ вѣчной гибели, „послали ихъ къ Руси“, а сами остались въ Крыму. Если матери удавалось бѣжать и вынести изъ басурманской неволи своего некрещеннаго ребенка, она часто крестила его, добравшись до первой христіанской, напримѣръ, Волосской, страны. Даже на смертномъ одрѣ мать-полонянка заботилась болѣе о душевномъ спасеніи дѣтей, чѣмъ о своемъ собственномъ, и вышедшій въ 1681 году въ Россію турчанинъ Агметка, назвавшійся „Халиль-аги сыномъ, а Каплану-пашѣ племянникомъ роднымъ“, вполне правдоподобно рассказывалъ, что изъ „Царя-города пошелъ онъ съ братомъ своимъ роднымъ Брегимомъ, желѣя христіанскія вѣры, для того, что мать ихъ при смерти заклала быть въ христіанской вѣрѣ, а она была христіанка“ ²⁾.

¹⁾ Пр. 377, 165—170.

²⁾ Пр. 384, 561—568. Пр. 412, 397; Пр. 2102, 1; Пр. 788, 136—148.

Полоняникъ надѣялся на выходъ изъ плѣна „милостью Божіею“ и горячо молился, чтобы „надъ нимъ Богъ умилосердился, отъ нечестивыхъ, невѣрныхъ изъ полону освободилъ“.

Надѣясь на небесную помощь, полоняникъ „обрекался“ или „обѣщался“ разными благочестивыми обѣтами. Прежде всего ему приходило въ голову обѣщаться „вымѣнять“, а иногда и „обложить“ икону. Такими обѣтными иконами часто были иконы Всемиловитиваго Спаса, Живоначальной Троицы, Покрова Богородицы и другія богородичныя; иногда полоняникъ обѣщался вымѣнять икону своего ангела.

Часто прибѣгали полоняники къ „Нареченной Пятницѣ Парасковѣ“ (Мученицѣ Параскевѣ-Пятницѣ), этой особенно любимой нашими предками подательницѣ всякаго благополучія, покровительницѣ путниковъ ¹⁾, „отрѣвующей“ отъ вѣрныхъ „лютія обстоянія“ и „демонскія лукавствія“.

Полоняники могли уповать и на помощь святыхъ, которые сами испытали плѣнъ агарянскій, Варсонофія Казанскаго, бывшаго въ плѣну въ Крыму, и Макарія Желтоводскаго, котораго добродѣтели „устыдѣся“ Казанскій царь Улу-Махметъ. Но особенно усердствовали они къ „Великому Чудотворцу Николѣ“, этому прославляемому церковью, „избавителю готовѣйшему, хранителю спасительному, пастырю и путевождю всѣхъ блудящихъ“. Изъ житія этого святого полоняники знали, что Мирликійскій святитель нѣкогда внезапно восхитилъ плѣннаго христіанскаго юношу „Василія, сына Агрикова“, предстоявшаго „на вечери Срацынскому князю Амирѣ“, и перенесъ его въ домъ родителей, какъ онъ былъ, „въ срацынской одеждѣ“ и, сткляницу полную вина въ руцѣ держаща“. Иногда полоняники давали обѣтъ не просто Николѣ Чудотворцу, но то „Николѣ Явленскому“, то „Николѣ Можайскому“, предполагая, очевидно, что на каждой иконѣ святитель—„Никола Можайскій“—этотъ грозный святитель съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ казался полоняникамъ наиболѣе надежнымъ поборникомъ на безбожныхъ агарянъ ²⁾. Нерѣдко полоняникъ „обрекался“ идти на богомолье, напримѣръ, ко Гробу Господню, какъ это сдѣлалъ костромитинъ Василій Полозовъ. Иной полоняникъ приходилъ къ убѣжденію, что монастырскій затворъ лучше басурманской неволи, и онъ давалъ обѣтъ постричься.

Богатые полоняники недовольствовались вымѣномъ иконъ, но въ благодарность за избавленіе изъ плѣна строили церкви. Когда

¹⁾ На дорогахъ ставились ея иконы (Калинскій, Народный Мѣсяцесловъ, 44—45).

²⁾ Объ обѣтныхъ иконахъ полоняниковъ, см. Приказного стола столбцы 535 и 791.

возвратился изъ плѣна Филаретъ Никитичъ, царь Михайлъ Ѳеодоровичъ построилъ въ Москвѣ на Успенскомъ Брагѣ (въ Брюсовскомъ переулкѣ) церковь пророка Елисея, которому празднуютъ 14 іюня, въ день „всерадостнаго свиданія царя съ отцемъ“; при церкви были придѣлы Меѳодія, патріарха Константинопольскаго (память такъ же 14 іюня), и Іустина Философа, котораго память празднуется 1 іюня, „коего дни царь его государя—отца вымѣнялъ“ у поляковъ на р. Поляковкѣ.

Кромѣ этой церкви тогда же была построена въ Китаѣ-городѣ, въ Зарядѣ церковь Макарія Желтоводскаго, покровителя всѣхъ полонянниковъ. Забывшему свой обѣтъ выходу изъ плѣна, по убѣжденію нашихъ предковъ, грозило „Божіе посѣщеніе“.

Въ одномъ старинномъ сказаніи повѣствуется о чудѣ, случившемся 25 декабря 1640 года въ Азовѣ, занятомъ въ то время донскими казаками. Въ соборной церкви Іоанна Предчети вдругъ потекли слезы на храмовой иконѣ изъ очей Крестителя, и тутъ же Богъ „просвѣтилъ очи“ слѣпому казаку Еунтропію. Оказалось, что Еунтропій въ турецкой неволѣ обѣщався постричься въ Шацкомъ Чернѣевѣ монастырѣ, но, освободившись, увлекся радостями свободной жизни и „замотчалъ“ (замедлилъ) на Дону. Тогда „отнялъ очи его, и близко года былъ безъ очей“. Исцѣленный Еунтропій „опамятовался“ и поспѣшилъ съ Дона въ монастырь¹⁾.

Вообще около выхода изъ плѣна полонянниковъ создавались легенды, напоминающія сказаніе объ освобожденіи Василя, сына Агрикова.

Въ Галицкомъ уѣздѣ Костромской губерніи въ погостѣ Верховьѣ изъ рода въ родъ передается сказаніе о спасеніи изъ плѣна одного мѣстнаго жителя. Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія этотъ полоняникъ печально шелъ по берегу рѣки и вдругъ увидѣлъ, что по рѣкѣ плывутъ двѣ половинки иконы Богородицы; онъ бросился въ воду, досталъ и сложилъ обѣ половинки, которыя чудеснымъ образомъ соединились; полоняникъ, горячо помолившись, заснулъ, а, проснувшись, услыхалъ звонъ пасхальнаго колокола и увидалъ себя въ полуверстѣ отъ родного села подъ деревомъ, на которомъ находилась найденная имъ въ Крыму икона.

Православный народъ, вѣруя, что у Бога все возможно, съ усердіемъ понынѣ несетъ свои трудовыя свѣчки и простыя молитвы къ этой „Полонянничной“ иконѣ Небесной Путеводительницѣ—Одигитрив²⁾.

¹⁾ Ум. О. Ист. Др. Рос. 1907 г., IV, Повѣсть объ Азовѣ, 30—31.

²⁾ І. Вьяевъ, Описаніе Костромской епархіи, 79—80.

V.

Розмѣна и окупъ.

Полоняннику не было надобности ожидать непременно чуда для своего освобожденія. Татары вовсе не находили для себя приятнымъ гноить полонянниковъ въ тюрьмахъ, мучить на каторгахъ и завозить на край свѣта. Полонянники были для нихъ ходовымъ товаромъ, который они всегда были готовы продавать и мѣнять, лишь бы это было выгодно. Во время татарскихъ набѣговъ государевымъ людямъ удавалось наловить не мало татарскихъ „языковъ“¹⁾. На московскомъ тюремномъ дворѣ и въ тюрьмахъ далекихъ отъ границъ со Степью, главнымъ образомъ Заволжскихъ, городовъ всегда сидѣло значительное число плѣнныхъ татарскихъ „вляней“.

Сношенія между Москвою и татарами всегда отличались крайней недовѣрчивостью. Посланники съ обѣихъ сторонъ явились какъ бы заложниками. Когда крымскій посланникъ исполнялъ свое дипломатическое порученіе въ Москвѣ, онъ отправлялся въ Крымъ съ назначеннымъ туда русскимъ посланникомъ; въ какомъ-нибудь пограничномъ городѣ ихъ встрѣчалъ возвращавшійся изъ Крыма русскій посланникъ съ назначеннымъ въ Москву крымскимъ посланникомъ, и здѣсь обѣ пары посланниковъ „розмѣнивались“, т. е. разѣжались, одни въ Крымъ, другіе въ Москву. Съ этой „посольской розмѣной“ совпадала и розмѣна полонянниковъ, которые привозились съ обѣихъ сторонъ на „розмѣнное мѣсто“.

Долгое время обычнымъ мѣстомъ розмѣны была Валуйка, стоявшая на самой границѣ со Степью. Но съ заселеніемъ Слободской Украины Валуйка „стала за городомъ“.

Татары неохотно ѣхали туда, опасаясь, чтобы „въ жилыхъ мѣстахъ полонянника у нихъ не разбѣжались“, и не надѣясь „удержаться отъ войны деревни разорять“. Татары старались перенести „розмѣнное мѣсто“ поближе къ Крыму въ Азовъ, на Торъ (Славянскъ) или въ крайнемъ случаѣ въ Переволочну на границѣ Степи съ Полтавщиной.

Кромѣ этой „общей розмѣны“ бывала и „розная розмѣна“ въ Москвѣ или въ пограничныхъ городахъ, куда татары привозили отдѣльныхъ полонянниковъ.

Въ „розмѣнномъ мѣстѣ“ происходилъ выкупъ, или, какъ гово-

¹⁾ Такъ называли плѣнныхъ потому, что отъ нихъ старались получить свѣдѣнія о силахъ и маршрутѣ непріятеля.

рили тогда „окупъ“ полоняниковъ, оставшихся „за розмѣною въ остаткѣ“. На этомъ торгу, какъ и на всякомъ торгу, шли „переговоры упорные и запросные“. Трудно было розмѣнять плѣнныхъ ариѣметически, чтобы шель „человѣкъ за человѣка“. Не всѣ полоняники были одной цѣны въ зависимости отъ ихъ возраста, знатности и достатка.

Обѣ стороны хитрили, старались сбыть повыгоднѣе товаръ похуже. Московское правительство посылало воеводамъ приказанія „давать на розмѣнку татаръ, выбравъ въ тюрьмѣ самыхъ худыхъ и не знатныхъ и старыхъ и дряхлыхъ“ и удержать до времени „знатныхъ поганцевъ“, которые „обѣщали за себя на розмѣну дать русскихъ полоняниковъ не малое число“. Точно также хитрили и татары: въ 1680 году одинъ полоняникъ, по имени Григорій, изъ обасурманившихся русскихъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ съ татарами, заявилъ, что въ числѣ вляней есть Махмудъ-бей, „Крымскому хану шуринъ родной“; „крымскіе взятые татарова, по словамъ Григорія, говорили ему, чтобы про него на Москвѣ не сказывали, что онъ великой породы и честной человѣкъ, а, если де скажешь, и они въ ноги хотѣли его задавить“¹⁾.

Полоняники, желая вырваться изъ неволи, сулили за себя золотыя горы. Родственники ихъ вступали съ татарами въ частныя сдѣлки и набивали цѣны. Обыкновенно родственники пріискивали татарина, равноцѣннаго ихъ полонянику, и прямо просили дать имъ для розмѣны такого-то татарина. Въ 1678 году татары взяли въ плѣнъ двоихъ сыновей валуйскаго толмача Петра Ломакина. Огорченный отецъ отправился въ Азовъ и „тѣхъ дѣтей своихъ сыскалъ въ Азовѣ“.

Тогда онъ обратился къ Царю съ челобитьемъ „пожаловать бы за его службы изъ Азова дѣтей его велѣть окупить (вмѣсто „розмѣнять“) на азовскаго взятаго татарина на Усеинко Мустафина“. Въ Разрядномъ приказѣ, гдѣ билъ челомъ Ломакинъ, допросили Гуссейна, и онъ „сказался яныченинъ (янычаръ), въ Крыму де у него братья есть и валуйскаго новокрещена Петровыхъ дѣтей сыщутъ и на розмѣну за него дадутъ“. Гуссейнъ былъ отосланъ въ Посольскій приказъ, вѣдавшій розмѣну; но татаринъ оказался дешевле сыновей Ломакина, и толмачу пришлось для выкупа дѣтей, „къ тому татарину прибавя“, уплатить еще 40 рублей²⁾.

Татарамъ также хотѣлось поскорѣе и повыгоднѣе выручить изъ Московскихъ тюремъ своихъ „вляней“. Въ Крыму и въ нагай-

¹⁾ Барсуковъ, VIII, 12, VII, 301; Акты Моск. Гос., III, 113; Пр. 947, 214.

²⁾ Пр. 782, 25—28.

скихъ степяхъ матери и жены „денно и ночью отъ слезъ очи слѣпили“, оплакивая своихъ удалыхъ наѣздниковъ, томившихся въ плѣну вдали отъ вольныхъ степей.

Не вѣрится, что хищные дикари могли писать такія наивно трогательныя грамотки, какія посылали татары „отъ далека земли ближнимъ сердцомъ“—своимъ взятымъ въ плѣнъ роднымъ. „Мы за тебя здѣ невольника на обмѣну сыщемъ“, успокаивали родные плѣнника, „а на тебя на обмѣну у меня московская полонянка, имя ей Марья, есть готова, и тебѣ бы печали не имѣть“. Степнымъ разбойникамъ не были чужды ни родственная любовь, ни супружеская вѣрность.

„Честному, праведливому, законному мужу моему, Утому, писала жена одного плѣннаго татарина, я здѣсь денно и ночью за тебя Бога молю, а, что твоя грамотка посыльная до меня дошла, слава тебѣ, Богу, что про здоровье твое вѣсти слышали и обрадовались со всѣми сродичи своими, а про насъ изволь вѣдать, и мы всѣ съ братьями твоими, далъ Богъ, здоровы, а же Богъ дастъ, какъ намъ Богъ помочи подастъ, о вашемъ дѣлѣ радѣемъ.. Ты, мужъ мой, въ печали не буди, въ неволѣ вовсе не останешься“. Подыскавъ подходящаго русскаго полоняника, татары старались найти въ Россіи его родныхъ и завести съ ними переговоры.

„Чтобъ тебѣ, Карпушкѣ, было вѣдомо, писалъ одинъ татаринъ отцу найденнаго имъ для обмѣны полоняника, сынъ твой Мишка у насъ въ рукахъ; будетъ Тукашкѣва Сулеймана, сыскавъ, пришлешь, и мы сына твоего тебѣ отдадимъ“. Это письмо было прислано въ Москву плѣннымъ татарамъ, которые должны были какъ-нибудь отыскать адресата.

Для этого въ письмѣ были указаны нѣкоторыя примѣты. „Отецъ Карпушка, говорилось въ концѣ письма, а мать Матрена, большой братъ Васька, другой братъ Корнюшка, сестра Дарья, сосѣдъ Ивашко, а самому имя Мишка, въ деревнѣ Верхососенску“¹⁾.

Недовѣріе къ хищникамъ ни на минуту не оставляло русскихъ. На самой размѣнѣ они сомнѣвались, „не чаятъ ли отъ татаръ какой хитрости“. Поэтому во время размѣнъ „размѣнное мѣсто“ имѣло видъ укрѣпленнаго лагеря; служилые люди были „устроены, какъ ратное ополченіе бываетъ съ готовностью наряду (т. е. артиллеріи)“. На размѣну въ Переволочной въ 1681 году была привезена большая окупная казна за боярина В. Б. Шереметева. Казну нагрузили на суда, но „отпихнули“ ихъ отъ берега Днѣпра не прежде, чѣмъ увидѣли, что съ татарской стороны отчалила лодка съ Шереметевымъ.

¹⁾ Пр. 1028, 91—96.

И съ размѣны русскіе шли въ боевомъ порядкѣ, „ополчась обозомъ“, эта предосторожность была не лишней. Разбойники не зѣвали у самаго „размѣннаго мѣста“. Въ 1629 году валуйскіе стрѣльцы „послѣ размѣны, проводя съ Валуйки околяичаго Ѳеодора Ларионовича Бутурлина до Оскола, ѣхали назадъ на Валуйку, и „отъ Оскола верстѣ съ 70 на нихъ пришли татары и ихъ разгромили, а взяли на томъпогромѣ стрѣльцовъ и казаковъ человекъ съ десять“¹⁾. Не мало было примѣровъ, что родственники полоняники, узнавъ, гдѣ онъ находится, отправлялись въ далекую басурманскую страну, чтобы вызволить его изъ плѣна. Въ 1632 году былъ взятъ въ плѣнъ козловецъ Прокофій Давыдовъ со старшимъ сыномъ Антипомъ, и „въ Царь-городѣ животъ свой мучили 13 лѣтъ на каторгахъ“; къ довершенію несчастья они съ сыномъ „были разведены по разнымъ каторгамъ“. Но младшій сынъ Давыдова Иванъ не забылъ про нихъ; черезъ 13 лѣтъ ему удалось добраться до Константинополя „съ Государевыми послами“ и окупить отца; брата ему „откупить было нечѣмъ“, но „Божіею милостію“ Антипъ Давыдовъ самъ „съ каторги ушелъ и въ желѣзѣ“.

Случилось, что полонянику удавалось накопить денегъ, и онъ „окупался собою“, внеся хозяину деньги и получивъ отъ него „вольный листъ“. Иногда полоняникъ дѣйствовалъ черезъ подставное лицо: драгунъ Семенъ Савельевъ былъ выкупленъ какимъ-то армяниномъ „на его Семеновы тарели (талеры)“.

Не имѣя денегъ, полоняникъ обращался къ другимъ полоняникамъ: чугуевскій казакъ Растегаевъ, которому угрожало обасурманеніе, „билъ челомъ полонянкѣ Улитѣ Ефоньевой дочери, чтобы она его окупила, и божился ей всякими страшными клятвами, хотя ей тѣ деньги отдать на Москвѣ“. Не всегда можно было добыть деньги „страшными клятвами“; тогда полонянику приходилось занимать деньги „изъ великихъ ростовъ“²⁾.

Окупали иногда полоняниковъ и „Государевы послы“. Помощь приходила иногда къ полонянику отъ иноплеменныхъ или даже инославныхъ христіанъ. Козловецъ Филиппъ Кидинъ, взятый подъ Чигириномъ, 8 лѣтъ былъ на каторгѣ и былъ выкупленъ „венецианцемъ“, царегородскимъ жителемъ Тумазомъ Таршинымъ. Черезъ 6 лѣтъ Таршинъ отпустилъ его на волю, но на пути въ Венецію корабль, на которомъ ѣхалъ Кидинъ, „разбили арапы“ и отвезли Кидина въ Александрію. На счастье Кидина „пріѣхавъ изъ Синайскаго монастыря въ Александрію архимандритъ Кириллъ, и его

¹⁾ Барсуковъ, VIII, 457—481; пр. 35, 453.

²⁾ В. 264, 24, 41; пр. 807, 92—100.

(Кидина) тѣ арапы продавали на торгу, и въ то время, идучи тѣмъ торгомъ, архимандритъ Кириллъ его, Фильку, узналъ потому что въ Царь-городѣ у венецыянина у Тумаза Таршина его, Фильку, онъ, архимандритъ, видѣлъ, и у тѣхъ араповъ по его, Филькину, челобитью окупилъ и окупу далъ за него 240 ефимковъ ¹⁾, а занялъ тѣ ефимки у французскаго резидента, который живетъ во Александріи, и, окупя, везъ его до Москвы онъ, архимандритъ, своими харчами“. Этотъ архимандритъ и другіе „милостыне-собиратели“, привозившіе въ Москву выкупленныхъ ими полоняниковъ, съ избыткомъ выручали благодаря царской щедрости деньги, затраченныя на богоугодное дѣло. Самой угодной Богу жертвой было выкупить полоняника, „вмѣсто смерти дать ему животъ“. Богатые люди отказывали въ завѣщаніяхъ деньги „на искупленіе плѣнныхъ“, какой-нибудь богатый паломникъ, замаливавшій въ Іерусалимѣ свое прежнее „блудное и скверное житіе“, не находилъ ничего лучшаго, какъ освободить изъ рабства хотя бы одного полоняника, несмотря на то, что это было сопряжено „со многими издержками и хлопотами“ ²⁾.

Уже въ XVI вѣкѣ въ Россіи былъ организованъ сборъ полоняничныхъ денегъ, который Уложеніе обратило въ обязательный для всѣхъ классовъ общества. „Такое искупленіе общая милостыня нарицается, и Благочестивому Царю и всѣмъ православнымъ христіаномъ за то великая мзда отъ Бога будетъ“, говоритъ Уложеніе. Владѣльцы иногда отпускали полоняниковъ безъ уплаты окупа за поруками на денежныхъ лицъ, напримѣръ, русскихъ посланниковъ. В. Б. Шереметевъ въ 1662 году ручался въ окупѣ за многихъ полоняниковъ, видя „погибающихъ людей Великаго Государя, а свою братью, православныхъ христіанъ“, продаваемыхъ „жидами“ на каторги. Вратиславъ рассказываетъ, что турки отпускали невольниковъ за поруками ихъ товарищей, но въ случаѣ обмана отрѣзали у поручителей уши и пальцы, выбивали зубы и каждую пятницу жестоко били ихъ палками.

Были особые промышленники, которые скупали плѣнныхъ на Востокѣ и привозили ихъ въ Москву, гдѣ получали за нихъ окупъ. Въ числѣ этихъ скупщиковъ живого товара первое мѣсто занимали греки-царегородцы. Было принято за правило привезеннаго для окупа полоняника назадъ „въ невѣріе не отпущати“.

Въ 1645 году гречанинъ Исай Остафьевъ привезъ выкупленнаго имъ нижегородца Ларіона Молчанова и просилъ дать за него

¹⁾ Ефимокъ около 50 копѣекъ.

²⁾ Пр. 1445, 3—6; хожденіе В. Гагары, 88.

окупу 125 рублей „да харчей и провозу“ 25 рублей. Полоняникъ слезно молилъ дать греку эти деньги. „А, будетъ твоего царскаго жалованья, ко мнѣ бѣдному не будетъ, говорилъ онъ, и въ тѣхъ деньгахъ ему, Исаю, опять меня везть въ бусурманскую землю“. Послѣ неоднократныхъ просьбъ Молчанова греку былъ выданъ окупъ, но съ убавкою, всего 100 рублей.

Уложеніе, увѣщевая всѣхъ „не щадить сребра челоуѣка ради“, въ то же время не хотѣло тратить денегъ даромъ. Высшая норма окупа за служилыхъ людей была по 20 рублей со 100 четвертей ихъ помѣстнаго оклада; за пашенныхъ крестьянъ и за боярскихъ людей выплачивалось всего по 15 рублей. „Откупленнику“ предоставлялось „платить собою, что за тѣмъ окупу не достанетъ“¹⁾. Впрочемъ, все зависѣло отъ милости Государя. Полоняникъ такъ и просилъ „денегъ на милостыню, чѣмъ ему тотъ окупъ заплатить, какъ тебѣ, Великому Государю, Богъ извѣститъ“. Для „необыш-ныхъ“ полоняниковъ, знатныхъ или близкихъ ко Двору, была особая оцѣнка

„И мы того не запираемся, писалъ Иванъ Грозный своему попавшему къ татарамъ любимцу Василю Грязному, что ты у насъ въ приближенѣ былъ, и мы для приближенья твоего тысячи двѣ рублей дадимъ, а доселѣва таліе по 50 рублей бывали“. Когда къ крымцамъ попалъ въ плѣнъ бояринъ В. Б. Шереметевъ, они совсѣмъ обезумѣли отъ жадности, воображая, что „такой челоуѣкъ дать можетъ татаръ безъ счету и денегъ безъ смѣты“, „украинныхъ три города со всѣми жители“. Даже благоразумный ханъ Аадиль-Гирей просилъ за него 70.000 ефимковъ и 50 татаръ. За князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго, попавшаго въ плѣнъ въ 1668 году, татары просили ни болѣе, ни менѣе какъ 80.000 ефимковъ и 60 татаръ. „Болѣе 10.000 рублей за меня не дадутъ“, утверждалъ кн. Ромодановскій. „Какъ не дадутъ?—возражали татары,—отецъ твой (извѣстный бояринъ князь Григорій Григорьевичъ) бояринъ и владѣетъ всею Украиною; хотя съ шапкою пойдетъ, то собереть съ Украины 100.000“. „Хотя бы ханъ велѣлъ меня замучить, то больше 10.000 не будетъ“, стоялъ на своемъ Ромодановскій.

Московское правительство торговалось до упаду, предлагало тысячъ 10 или 20 и въ крайнемъ случаѣ 50.000 серебряными деньгами, старалось подмаслить ханскихъ ближнихъ людей, обѣщало „додать“ за Шереметева бывшаго въ плѣну въ Москвѣ польскаго гетмана Гонсѣвскаго, замышляло даже „вывезть тайнымъ

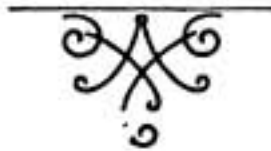
¹⁾ Лохвицкій. О плѣнныхъ по древнему русскому праву, гл. III, 13.

обычаемъ“ столь дорогого полоняника. Въ концѣ концовъ сошлись на 40.000 рублей... Татары старались нажать сколь можно больше и на рядовыхъ полоняникахъ. Въ 1643 году, на примѣръ, были взяты въ плѣнъ воронежцы Петръ Толмаговъ, Плакида Темирязевъ и Иванъ Шишкинъ; татары въ Азовѣ „посадили ихъ на большихъ окупахъ“ по особенной для каждаго расцѣнкѣ; съ Темирязева просили 525 рублей, съ Толмагова—340, съ Шишкина—270 рублей; изъ казны же было дано на окупъ—Темирязеву 200 рублей, Шишкину—100, а Толмагову всего 80. Веневитинъ Титъ Ѳедоровъ пробылъ въ плѣну 70 лѣтъ и при всей своей дряхлости и неспособности къ работѣ долженъ былъ заплатить за себя 70 рублей.

Правительство, какъ всегда при такихъ торгахъ, хитрило, торговало полоняника, „гораздо искрѣпка“, называло его „худымъ обычнымъ человѣкомъ“. Бывали и явные обманы. Полоняники давали на себя кабаль, что „платить имъ на Москвѣ“, и по кабаламъ за себя не платили. Въ 1670 году на Терки была привезена окупная казна, и „въ окупныхъ серебряныхъ деньгахъ въ мѣшкахъ на исподи положено было мѣдныхъ денегъ 2.100 рублей“. Татары съ наивной искренностью возмущались такимъ обманомъ со стороны тѣхъ, кого они захватили вопреки всякому праву. „Напередъ сего такой неправды въ окупахъ не бывало, негодовали они, чтобъ такой неправды и обману нынѣ и впредь отъ полоняниковъ не было и къ ссорѣ бы за то не привело“¹⁾.

В. Шереметевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Пр. 225, 34; Барсуковъ, VI, 19, 268, VII, 295, 366, VIII, 469; Пр. 158, 353.